

БЕЛАЙ ПУСН ГОВАРА

Белорусские авторы о поэзии Валерия Хатюшина

Москва
Журнал «Молодая гвардия»
2018

ББК 84 (2Рос-Рус) 6
Х-25

Эту небольшую книгу составили статьи трёх белорусских авторов, откликнувшихся на творчество современного поэта России Валерия Хатюшина. Три автора, живущие в разных городах Белоруссии, независимо друг от друга прониклись поэзией российского современника, подкупившей их необычайно лирической исповедальностью и философской глубиной, и с такой же искренностью поведали читателям о своих чувствах и мыслях, навеянных замечательным творчеством широко известного русского поэта.

Завершают книгу стихи Валерия Хатюшина.
Книга издана к 70-летию поэта.

Белой Руси голоса. Статьи. Стихотворения.
М.: Журнал «Молодая гвардия». 2018. — 64 с.

© Журнал «Молодая гвардия». 2018

Анатолий АВРУТИН,
г. Минск

РЫЦАРЬ РУССКОГО ОБРАЗА

Более «русского» поэта, чем Валерий Хатюшин, в современной русской словесности назвать трудно. Я имею в виду не только давным-давно очерченную поэтом гражданскую позицию (в данном случае — не это главное), а врождённую, генетическим слухом уловленную приверженность традициям именно русского стихосложения, когда душа поэта, ранимая и терзаемая происходящим вокруг, являет себя читателю во всей своей незащищенной обнаженности, будто вывернутая наизнанку. Без ёрничанья и кривляний. Без коверканья русской речи. Без насмехательства над реалиями бытия. С болью из-за них, болью нестерпимой и тут же передающейся истинному читателю — разумеется, без злорадства и печеринского «как сладостно Отчизну ненавидеть», тысячекратно осовремененного, но от этого не потерявшего своей русофобской сути у разного рода орлуш и быковых... В изящной словесности сегодня тоже, увы, засилье «либералов», для которых слово «Родина» сродни страшилке, а само творчество понимается ими как нечто среднее между игрой в буриме с непременно коверканьем русской речи, покуриванием кальяна и ловлей покемонов...

Поэтика Валерия Хатюшина зиждется совсем на других основах. Она впитала в себя и тютчевскую раздумчивость, и лермонтовскую тоску, и блоковскую любовь к женщине, и умение по-есенински удивляться каждой березке... При этом поэт в лучших образцах своей философской лирики всегда остаётся самим собой, с только ему присущей стихотворческой манерой и узнаваемым поэтическим голосом:

*Ну вот, я пережил и это лето.
Теперь и осень как бы пережить...
Пусть за окном померкшим до рассвета
унылый дождик будет моросить.*

*Пусть ничего кругом не происходит,
дожди и ветры пусть одни шумят.
Для сердца есть покой в плохой погоде,
когда ничем не растревожен взгляд.*

*Пусть за окном дрожит и гнётся ива
под хмурым небом, от дождя темна.
Над ней ворона пусть летит лениво,
и лишь не шелохнется — тишина.*

*Когда осточертеет всё на свете
и станет всё таким ненужным тут,
лишь ива за окном, лишь дождь и ветер
покинуть эту землю не дадут.*

Какая пронзительная печаль в этих строках. Сколько в них одиночества и, казалось бы, почти беспросветной тоски... Но... «Лишь ива за окном, лишь дождь и ветер» — эти малоприметные в суете жизни вещи заставляют героя стихов (не воспринимаю набившего оскомину определения «лирический герой») продолжать жить и бороться...

Вообще, в лирике Валерия Хатюшина последних лет печаль, пусть и светлая, ничем не омрачающая сознание читателя, присутствует всё настойчивее. Груз прожитого и выстраданного, и утраты, утраты, утраты... Поэт не умеет лгать и притворяться, а потому и строка его, становясь всё мудрее, просветляет нынешний облик автора — эдакого «рыцаря печального образа», только не донкихотствующего, а продолжающего сражаться с отнюдь не ветряными мельницами русофобии, лжи и несправедливости. Понимающего, что силы не равны, зло одолевает, но всё равно до конца надеющегося на лучшее, на то, что Господь нас не оставит и светлое пробьется через мрак:

*Когда уходят ласковые дни,
ты знаешь — это жизнь уходит с ними.
И ты по ним без ропота вздохни.
Тоска смертельной немощи сродни.
Гони ее минутами слепыми.
Когда уходят ласковые дни...*

*Что ж, может быть, последнее тепло
тебя хранит последним этим летом.
Пока оно ещё не истекло,
и солнце лишь на краткий миг зашло,
чтоб растопить тоску твою с рассветом.
Да, может быть, последнее тепло...*

Впрочем, до «последнего тепла» автору, не сомневаюсь, всё же далеко... Он это и сам внутренне прекрасно осознает, ярчайшим подтверждением чему является светлое чувство пусть мимолетной и даже не любви, но влюблённости, любовной озарённости, если хотите, которое присуще исключительно мудреющим с возрастом, но не потерявшим умения обожать людям:

*Судьба нас всех по кругу гонит.
И в этой спешке — все сгорим.
Влетаем под землёй вагоне
глаза в глаза — вдвоем стоим.
Мы под землёй летим по кругу.
Под свист и шум. Куда? Зачем?
Без слов глядим в глаза друг другу,
нигде не связаны ничем.
Летит вагон. Чужие люди,
уйдя в себя, не вспомнят нас.
Никто на свете знать не будет,
что видел я лишь только раз
ее глаза... На остановке
я через круг сойду во тьму,
с чужим плечом столкнусь неловко,
став безответным ко всему.
Среди толпящихся, галдящих
мы не расстанемся никак.
Сжигает всех, во тьму сходящих,
летающий свет, свистящий мрак.
Ждём неизбежную разлуку
мы, отражённые в стекле.
И всё ещё летит по кругу
небесный взгляд в подземной мгле...*

Почти никогда не цитирую стихи целиком, выбирая лишь наиболее знаковые строки. Но здесь поймал себя на мысли о том, что частичное цитирование этого удивительного стихотворения попросту невозможно — каждая последующая строка цепко хватается за предыдущую и одновременно является

безусловным началом последующей... Убежден, что перед нами ещё не оцененный толком современниками шедевр, который по силе звучания, философской глубине и пронзительности чувств можно смело включать в сокровищницу русской словесности.

К лучшим образцам отечественной любовной лирики можно, безусловно, отнести ещё одно хатюшинское стихотворение. Пусть оно очень и очень личное, что лишь подчеркивает тот факт, что своему читателю автор доверяет безгранично:

*Нас тоже на свете любили...
Два царских подарка мне были.*

*Два имени связаны с ними,
душою навечно хранимы.*

*Два самых заветных подарка,
под солнцем сияющих ярко.*

*Две шумно зовущих стихии
в сердечной моей ностальгии.*

*Как два неизбывных свиданья,
как два неразрывных названья...*

*Балтийское море — Татьяна
и Чёрное море — Оксана.*

Неизбывная печаль по двум дорогим сердцу женщинам... Думаю, читая эти стихи, мало кто просто безразлично скользит глазами по строчкам...

Знатоки и ценители поэзии Валерия Хатюшина давно заметили, что философская лирика его удивительно музыкальна. Как музыкальна сама душа русского народа. Неудивительно, что многие творения поэта прекрасно ложатся на музыку и часто становятся песнями. Поэт в одной из своих заметок как-то обмолвился о том, что музыка в человеческой жизни является реальным проявлением Бога, имеет духовное происхождение, поскольку исходит не из сознания, а из души, является частицей Божественного (Святого) Духа. А заодно напомнил, что уже сами названия нот многое объясняют:

*Do — Dominus — Господь;
Re — Rerum — материя;
Mi — Mirakulum — чудо;*

Fa — Familias Planetarum — Солнечная система;
Sol — Solis — Солнце;
La — Laktea Via — Млечный Путь;
Si — Siderae — небеса.

Иными словами, если я верно истолковал мысль автора, музыка, а следом за ней и поэзия — это привнесение, согласно Божьему промыслу, небесного чуда в нашу материалистическую реальность... И чудо это вполне может реализоваться в совершенно заурядных и доступных каждому мгновениях бытия. Например, во время нечастой встречи с приятелем на берегу речушки, когда души раскрепостились от общения с природой и мир воспринимается чуточку иначе:

*...Не пьем давно, а хочется
по малому глотку...
И вот душа-пророчица
развевля тоску.*

*...Граненые стаканчики.
Последний майский день.
Опали одуванчики,
осыпалась сирень...*

Стихи, несмотря на всю филигранность строки, понимает-ся, по своей масштабности заметно отличимые от цитированных выше. Но ведь не из одних же недоступных вершин состоят горы...

Впрочем, повторяюсь, печали в стихах Валерия Хатюшина последних лет достаточно много, и его герой, едва насладившись маленькой радостью, еще острее понимает, что время неумолимо, и вот-вот «истает этот нежный день, // иссякнет трав благоуханье, // плаксивых туч немая тень // загасит озера сиянье...» А потом:

*И долгий холод, серый цвет
откроют вам свои объятия.
И клину белому вослед
с былой тоской взгляну опять я...*

Или вот это:

*Опадают листья, опадает жизнь,
всё уходит в вечность — больно, неизменно.*

*В мире этом бренном, сколько ни кружись,
обратишься в землю, а земля — нетленна.*

Как видим, несмотря на всю внешнюю беспросветность стихотворения, для автора очень и очень важна нетленность родной земли. Именно поэтому свет в конце тоннеля всё же брезжит:

*Прошумят и стихнут жёлтые дожди,
и с метелью первой облетят березы...
Всё ещё надеюсь — в дышащей груди
не остудят сердце белые морозы...*

Существует давний спор о том, когда же и в чём больше всего проявляется суть поэзии. Очень многие утверждают, что поэзия — это когда красиво. Может быть, но меня такое творчество интересует мало. По мне поэзия — это когда от прочитанного душу что-то пронзает... Когда становится внутренне больно, а порой и страшно... Именно поэтому мне столь близка философско-любовная лирика Валерия Хатюшина, в которой всё это присутствует в полной мере. Как и умение даровать читателю счастье хоть немного проникнуть во внутренний мир поэта, к чему столь часто стремятся истинные ценители русской словесности.

Возникает естественный вопрос — почему же при очевиднейшей одарённости автора, наличии в его творческом багаже столь ярких произведений и достаточно широкой личной известности анализу его творчества критика уделяет столь мало внимания? Ведь современных авторов, чью лирику можно поставить на одну доску с процитированными выше стихами, легко перечесать по пальцам одной руки. Да и то не все пальцы понадобятся... Проще всего в качестве ответа процитировать произнесённые ещё четыре столетия назад слова великого английского поэта и драматурга Джозефа Аддисона: «Из всех представителей рода человеческого зависти и злословия более всего предаются плохие поэты...» Или знаменитое блоковское: «Здесь жили поэты, и каждый встречал другого надменной улыбкой...» И это будет правда... Только не вся, и об этом тоже следует сказать. Ибо сегодня в литературе, раздробленной на группки и низведённой по уровню организации до клубов по интересам, очень часто главенствует принцип: наш, не наш... Гением, а, следовательно, признанным и скрупулезно анализируемым, может быть признан лишь автор из своей тусовки. У других тусовок — свои

корифеи и классики... Чаще всего широкий читатель не знает ни тех, ни других.

Собственно, теперь, в нынешней ситуации, до русской литературы как мирового феномена — одного из самых значительных явлений, которые дала миру Россия, уже почти никому нет дела. А поскольку Валерий Хатюшин — персона, в литературном сообществе (сообществе ли?) известная своей непримиримостью к «либерально-демократической колонне» и к навязанным ею общественным процессам, при которых русская культура, русская традиция, русская песня и, в конечном итоге, русская душа обречены на попрание и уничтожение, — этими силами делается всё возможное, чтобы замолчать, принизить, оболгать творчество замечательного поэта.

Валерий Хатюшин — не просто поэт. Сегодня его имя олицетворяется со старейшим в России литературно-художественным журналом «Молодая гвардия», редакцию которого он возглавил в наиболее трудный для издания момент. Возглавил и с честью ищет и находит пути для сохранения издания. Не продавая при этом страницы журнала под публикации творений богатеньких, но бездарных авторов, как это от безысходности порой делают некоторые его коллеги...

Впрочем, для творца разного рода схватки идей и мнений, поддержка тех или иных процессов в обществе или, наоборот, их крайнее неприятие, дело вполне обыденное. Так в русской литературе было во все времена. Достаточно вспомнить непримиримые схватки «западников» и «славянофилов» еще в пушкинскую эпоху... Время всё расставляет на свои места, и сегодня книги многих некогда непримиримых идейных противников мирно соседствуют на одной полке, владельцы которой порой и не знают о взаимоотношениях их авторов. Главное — написанное, то, что останется потомкам... А потому не сомневаюсь, что спустя десятилетия пронзительная лирика Валерия Хатюшина будет восприниматься в одном ряду с лирикой лучших русских поэтов — от Баратынского до Рубцова. Потрясая читателей чистотой чувств, пронзительностью и правдой...

Нина ТИХОМИРОВА,
г. Лиозно Витебской обл.

«ПРОРОКИ ЕСТЬ В ОТЕЧЕСТВЕ МОЕМ»

О гражданской лирике Валерия Хатюшина

И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня.

И сказал Он: пойд и скажи этому народу: слухом услышите и не уразумеете; и очами смотреть будете и не увидите.

Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтоб Я исцелил их. *(Ис. 6; 8-10)*

Обдумывая эту непростую тему, я решила обратиться к Библии. Узнать подробнее о пророках: только ли они были предсказателями будущего, как часто это понимается, или Бог определил им еще какую-либо миссию.

Получив благословение от своего духовника, открываю Ветхий Завет и... (в который раз убеждаюсь в Божьем промысле) передо мной шестая и седьмая главы пророка Исаяи. Шестой и седьмой стихи послужили Пушкину основой для написания «Пророка». В восьмом, девятом и десятом стихах описано, как Господь призвал Исаяю к пророческому служению. Именно эти великие знаменательные слова: «И услышал я голос Господа...» послужили началом этих размышлений. Они оказались очень созвучными стихотворению Валерия Хатюшина:

*Пророки есть в Отечестве моём.
Вся правда нами сказана народу.
И мы предупреждали обо всём
тех, кто врагам вверялся год от году.
Кто зорок был — всё видел и без нас.
Кто слух имел — тот нас давно услышал.
Кто жил дрожа, смешон в бесщётный раз.
Тот проиграл, кто с нами в бой не вышел.*

«И услышал я голос Господа...» Подобный голос слыше, судя по стихам, услышал автор этих строк несколько десятилетий назад:

*— Ты не случайный гость на этом свете:
ты эту Землю сердцем отогрей,
рассей враждебный мрак тысячелетий —
вокруг себя увидишь ты людей.
Тебя манит других миров мерцанье,
но даже там не сыщешь никого.
Ты — голос Мой, ты вечное дыханье,
ты — разума частица Моего.*

(1980)

В стихотворении «Родина» уже появляются тревожные ощущения:

*Россия, ты уходишь от меня.
Остановись!.. Я больше ждать не смею...*

*Бесцельная, плутаешь, как во мгле.
Бурьяном заросла твоя дорога.
Россия, далеко ль уйдешь без Бога?
И есть ли путь без веры на земле?*

(1982)

Но так как именно человеку были даны Богом разум, свободная воля, бессмертный дух, то человек и является либо спасителем, либо губителем жизни на Земле. Как раз на это обращает внимание В.Хатюшин в стихотворении «Центр Вселенной», и его чувство тревоги возрастает до «космизма», предупреждая человечество об ответственности за будущее планеты:

*Зеленеет Земля.
Ее гибели нет оправданья.*

*И пока среди звёзд
есть единственный остров живой,
нам понять суждено:
человек — это мозг мироздания,
он — космический нерв,
всё на свете связавший собой.*

(1983)

Эту тревогу еще в 1967 году выразил наш великий советский поэт Александр Твардовский:

*В зрелости так не тревожат меня
Космоса дальние светлы,
Как муравьиная злая возня
Маленькой нашей планеты.*

«И вечный бой! Покой нам только снится // Сквозь кровь и пыль...», — сказал Александр Блок, определив судьбу защитников России. Блок относил Куликовскую битву к «символическим событиям русской истории», которым «суждено возвращаться». И он оказался прав. Через 600 лет мы стали свидетелями и жертвами такого «возвращения». Валерий Хатюшин показал этот «процесс» в стихотворении «Нашествие»:

*В лонах нашей земли,
вновь погромы, пожары,
снова Русь оплели
и распяли хазары.
Прут из тёмных щелей
всем галдящим кагалом.
Демократ иудей
правит дьявольским балом.
Где без всяких помех,
где железом каленым —
заставляет он всех
жить по волчьим законам.*

(1991)

Мы знаем, какая страшная участь постигала пророков всех времен. Ветхозаветного Исаяю перепилили деревянной пилой. Крестителю Господню Иоанну отсекали голову. Первого проповедника об Иисусе Христе Стефана иудеи до смерти забили камнями. Но никакая сила в мире не могла остано-

вить победного шествия христианства и обличения пророками живых и неправедных правителей.

О трагической судьбе поэтов-пророков сказал Михаил Юрьевич Лермонтов:

*С тех пор как Вечный Судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено камня.*

В.Хатюшин продолжил этот лермонтовский крик души:

*Поэту в этой жизни места нет.
Его презренно отовсюду гонят.
Приют ему лишь там — среди комет,
лишь там, средь звёзд, увиден он и понят.
Как сладко многим в низости своей
всю подлость мира пристегнуть к Поэту.
И чем они ехидней и подлей,
тем яростней его зовут к ответу.*

По Н.А. Некрасову жертвенность поэта-пророка близка к распятому Христу:

*Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой...
Его ещё покамест не распяли,
Но час придёт — он будет на кресте;
Его послал Бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.*

Как Пушкин и Твардовский и как другие наши великие национальные поэты-мыслители, поэты-пророки, Валерий Хатюшин, вкладывая духовное содержание в русскую жизнь, в русскую историю, не устаёт голос взывает к нам: «Россия, содрогнись!» Но неполный список, им названный, десятков погибших русских поэтов с каждым годом увеличивается.

В XIX веке графиня Ростопчина писала:

*Не просто, не в тиши, не мирною кончиной,
Но преждевременно, противника рукой —
Поэты русские свершают жребий свой...
Не кончив песни лебединой!*

Об этом же через 150 лет с болью и горечью пишет В.Хатюшин:

*Поэт с собой уносит тяжесть
поруганного идеала...
Одна рука, одна и та же,
поэтов русских убивала.
Она всегда была проворной
и хладнокровной в высшей мере,
верна себе на речке Чёрной,
на Машуке и в «Англетере».
И не однажды будет точной...
Ведь ей без жертвы нет покою...
Разит она не в схватке очной, —
чужой, предательской рукою.
И Пушкин понимал всё это,
Судьбу предчувствуя заране,
ту, что российского поэта
достанет даже в Тегеране...*
(1987)

Современный поэт назвал всех поименно... И мы должны это знать, помнить и передавать нашим потомкам, дабы предьявить счет палачам:

*Той расплаты сам Бог не отложит...
И в священной последней борьбе
нам на свете никто не поможет,
мы лишь сами поможем себе.*

Мы знаем множество примеров, когда великие наши молитвенники и служители слова, истинные патриоты Земли Русской стремились влиять на мировоззрение русских правителей и на сознание народа, направляя их дела в нужное русло на благо Отечества. Среди них Иларион — митрополит Киевский, святитель Кирилл — епископ Туровский, преподобная Евфросиния Полоцкая, святитель Димитрий, святитель Филарет (Дроздов), святитель Игнатий (Брянча-

нинов) — митрополит Ростовский, мать Мария (Кузьмина-Каравалева), старец Серафим Вырицкий, схиархимандрит Варсонофий Оптинский, протоирей Николай Гурьянов, иеромонах Роман и, конечно же, Высокопросвещеннейший Иоанн — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Среди писателей — М. Ломоносов, А. Сумароков, М. Херасков, Г. Державин, Н. Карамзин, Ф. Глинка, П. Вяземский, А. Пушкин, Ф. Тютчев, А. Хомяков, В. Бенедиктов, М. Лермонтов, А. К. Толстой, Н. Некрасов, Ап. Майков, И. Никитин, К. Р. (Великий князь Константин Романов), И. Бунин, А. Блок, Н. Клюев, Н. Гумилев, С. Бехтеев, С. Есенин, Н. Тряпкин, А. Твардовский, Ст. Куняев, Н. Рубцов, Ю. Лошиц, В. Кожин, Ю. Селезнев, Т. Глушкова, Ст. Куняев, В. Хатюшин и другие писатели-патриоты.

Тютчев, Достоевский, Майков, Есенин, Хатюшин... Между ними в их пророческом понимании трагедии России существует глубинная корневая связь. А дух — вне времени.

Почти тридцать лет назад Валерий Хатюшин с тревогой писал:

*Не разнимайте мир на части,
пусть будет он таким, как есть.
Сдержат распад не в нашей власти,
и неизбежных бед — не счесть.*

*Нас ввергнет в муки роковые
с природой глупая игра.
Все связи рухнут мировые
за расщеплением ядра.*

*Всесилье в нас вдохнёт вития,
и силой дьявольской тотчас
освобожденная стихия
рассеет в пыль ничтожных нас.*

(1986)

В повести Леонида Бородина «Царица Смута» один из героев взывает: «Вразуми, Господи, как честному воину в Смуте честь сохранить?» Эта фраза-стон не случайна. В сегодняшней «смуте», как в великом испытании русского народа в начале каждого века, нужно просить вразумления не только на сохранение чести, но и на обретение силы духа от наших полководцев и подвижников.

Как и древний Исайя, Валерий Хатюшин в своих пророческих стихах предстает перед нами и летописцем на-

шей эпохи, и обличителем неправедных правителей, а самое главное — выразителем высшей воли:

*Одна лишь цель мне может силы дать,
не жалко жизни, чтоб ее достигнуть:
Империю былую воссоздать,
врагам России по делам воздать
и Храм Спасенья на Крови воздвигнуть.*

Стихотворение В.Хатюшина «Пророк» стоит в ряду пророческих стихов Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Блока, Рубцова:

*Ему открыта истина веков,
с его душой соприкасалась тайна...
И в шёпот трав, и в жалобы лесов
ему дано проникнуть не случайно.
Любая власть ничтожна перед ним.
Власть на земле бессильна без обмана.
Поэт руки движением одним
животный страх наводит на тирана.
Он знает всё, угрюм и одинок,
подвержен униженью бесконечно,
среди людей — единственный пророк.
Так было на земле и будет вечно.*

(1989)

Поэтическое творчество Валерия Хатюшина отражает самый коварный и трагический период истории нашего Отечества. Это время даже не сравнить ни с татаро-монгольским игом, ни с нашествием поляков, французов, немцев и «прочих шведов». Там были великие русские полководцы Александр Невский и Дмитрий Донской, Суворов и Кутузов, Ушаков и Жуков. Был Иосиф Виссарионович Сталин. Все они опирались на веру православную и могучий небывалый русский дух, который особенно поднимался в годы потрясений. Появлялись самоотверженные герои-подвижники, как Минин и Пожарский, за которыми преданно шел русский народ...

Каждая эпоха рождала своих летописцев-пророков, своих певцов-глашатаев. И наша кровавая эпоха — стыка двух тысячелетий, смены общественного строя — тоже дала немало пламенных гражданских поэтов, о которых можно сказать словами Ф.И. Тютчева: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые».

В. Хатюшин не только остро улавливает «подземные ключи истории», но является настоящим трибуном русского народа, борцом за сохранение русской нации, культуры, литературы и русского языка в особенности:

*Только тот, кто сердцем светел и отважен,
кто душой неколебим и не продажен,
скажет нужные и точные слова.*

Когда в последней четверти XIX века по всей России катилось революционно-демократическое движение и лживыми лозунгами «свободы, равенства и братства» одурачивали русский народ марксисты, плехановцы, ленинцы и прочие низвергатели царского престола, то поэзия считалась уже делом несерьезным. Однако в 1884 году в Петербурге вышел сборник «Стихотворения Александра Яхонтова», бывшего сотрудника некрасовских «Отечественных записок». В этом сборнике привлекает внимание очень значимое и актуальное стихотворение как для того времени, так и для нынешних годов XXI века. А главное — оно продолжает пушкинско-лермонтовскую поэтическую традицию и является как бы предтечей нынешней гражданской лирики:

*Забудь, поэт, пленительные сны,
Со злом борись громами обличенья...
О, горькие судьбой тебе даны
Источники святого вдохновенья!
Будь светочем среди широкой тьмы,
Будь Ангелом с мечом огнепалящим,
Как Божий гнев, победно пепелящим
Зло смрадное общественной чумы!*

Именно таким «Ангелом с мечом огнепалящим» предстает в своих пророческих стихах Валерий Хатюшин:

*Моральный гнёт густеет с каждым днём
и сам собой рассеется едва ли.
Мы двадцать с лишним лет предупреждали.
Пророки есть в отечестве моём.*

(2011)

В Законе Божием написано: «Пророками называются такие святые люди, которые по внушению Духа Святаго прорекли, то есть предсказывали будущее, особенно о грядущем Спасителе мира; возвещали волю Божию, учили людей истин-

ной вере и благочестию. Творили разные знамения и чудеса. Они обличали евреев в идолопоклонстве, призывая их к покаянию. Многие из них проповедовали не только устно, но и оставили после себя священные книги, написанные ими по внушению Духа Святаго».

Конечно, великие русские поэты — не святые. Но их миссия — так же поднимать дух народа, прозревать Истину, обличать порок и учить любви к Творцу и человеку.

*Беспросветного головопяства
избежать не сумел человек.
Мы вступаем в столетие рабства —
в двадцать первый душливый век...*

*...Голод, слёзы, тоска и стенанья
притаились уже у дверей,
Мы познаем всю горечь скитанья
без идеи, пути и названья,
только с тайною верой своей.*

*Но придет ясноглазый Мессия,
Он укажет, как молния, путь,
и у спящей царевны — России
встрепенется остывшая грудь.*

*Грянет время Божественной жатвы,
враг познает пожар и потоп,
ни Америк не будет, ни Латвий,
ни Японий, ни прочих Европ.*

*И сотрутся названья иные,
и воспрянет в сиянье берез
вся земля под названьем Россия,
а над ней — Царь Небесный Христос.*
(1998)

Вспомним один из снов Раскольникова, когда он, будучи уже на каторге, лежал в жару и бреду: «Ему грезились в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве... Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одарённые умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но

никогда, никогда люди не считали себя такими умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные... Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе...»

Такие явления мы уже наблюдаем сегодня на Украине. Однако Валерий Хатюшин верит в освобождение и возрождение нашего Отечества:

*Этот подлый мир не устоит.
Будет всем дарована расплата.
Русь Святую небо воскресит,
преданную русскими когда-то...*

Борьба за Русь Святую продолжается... Бесстрашных патриотов России — единицы, а их врагов разных мастей — легионы. Силы далеко не равные. Но Христовы воины, к каким относит себя Валерий Хатюшин, уже не сбросят с себя свою «смертную узду» и будут твёрдо стоять на русских патриотических позициях.

Александр Блок утверждал, что историческая эпоха внушает поэту, способному ее чувствовать, интонацию и ритмы стихов. Поэзия Хатюшина подтверждает это точное наблюдение. Тревожные тона его глубокой, пронзительной лиры с необычайной выразительностью отражают нашу историческую обстановку и ее сердечные ритмы.

Алина КОСТЮК-СВЕТЛИЦКАЯ,
г. Гродно

УВИДЕТЬ В ЧЕЛОВЕКЕ ЧЕЛОВЕКА

Статья первая

1

На первый взгляд, все поэты пишут об одном — о земной жизни, о любви, о близких людях... Но лишь немногие пишут так, что сжимается сердце и кажется, что всё сказанное — о тебе, о твоей судьбе, о твоих слезах и печалях или о твоей бесконечной радости. И при этом настоящая поэзия не заслоняет облик самого поэта, она его высвечивает, показывая изнутри. Для него хронология жизненных переживаний куда сильнее и важнее, чем сама жизнь. Эта вереница событийных эпизодов и есть его настоящая жизнь. Таковой мы видим ее в стихах удивительного поэта Валерия Хатюшина.

Каждая строчка, написанная его душой, сопряжена с великой тайной бытия. Мир глубоких раздумий, выраженных ёмко, самобытно, эмоционально, предстаёт перед читателем. «Неразрешимая тайна», которой открывается первый том в Собрании сочинений В.Хатюшина, в его стихах давно разрешилась. Именно они, творения поэта, отвечают на «безответный вопрос»: «Почему я стал поэтом?» Стихи ответили просто: по-другому быть не могло, судьба выбрала того, кто сумеет найти слова, исполненные глубоким содержанием и непреходящей важностью.

В стихах В.Хатюшина — портрет Человека с большой буквы, образ его времени, этапы творческого поведения многогранной личности, смелой мысли и робкой надежды. При

пристальном чтении поэт оказывается совсем рядом: вдумчивому читателю становится понятно и близко то, что чувствует поэт, когда «капли текут по стеклу в хмари осенних дней» или когда «давит сумрак ночной» и «ночь тяжела обидами»...

В ранних стихах юного поэта много личного, пережитого, выстраданного. Здесь реальные герои, и сам автор реален, а страсти, бушующие в душе романтика, — неудержимы. «Раскованность рисковая, безудержность...» определяют поступки человека, который «накрепко врос в тайгу», и она для него — святое место, храм. И не только тайга — во власти поэтической интонации всё, что окружает поэта: «гребни крыш», «вечерние жёлтые окна», «изумрудная чудная зелень», «белёсый туман» и романтика времени, её герои:

*...Они в мороз работали смеясь,
в теплушки шли угрюмо и устало.
Потом, в одном вагончике сойдясь,
тепло и грустно пели под гитару...*

Природа для молодого поэта была храмом, в котором можно слушать тишину и молиться с ней, никого не замечая. И в этой хрупкой тишине — происходил настрой чувств и мыслей ранимого юного человека.

Читая первый том Собрания сочинений В.В. Хатюшина, я отмечала про себя бесхитрость его стихотворений. Всё как на ладони — смотри, понимай, отторгай... Я старалась понять, откуда исходит упругость стиха и сила яркого слога. И наконец понимала: они сотканы из той же тишины и желтой россыпи морозных ночей, из мутной дрожи утреннего голубого сиянья, бескрайнего простора, сплошной вечерней синевы. Оптимистично звучали слова поэта: «При всех невзгодах жизнь прекрасного полна».

Как справедливо замечал известный поэт Анатолий Аврутин в своей статье о творчестве В.Хатюшина («Рыцарь русского образа»), «поэт не умеет лгать и притворяться, а потому и строка его, становясь всё мудрее, просветляет нынешний облик автора...»

Стихотворная мысль молодого поэта была прикована к великой тайне мироздания, к вечности, к красоте существующего в природе. Здесь и мечтательность, и тяга действовать, и тревога за судьбу человечества:

*Всё продали, всё предали,
всё отдали на слом.*

*Мы жили и не ведали,
что к этому придём...*

Осмысленная сила не только тоски, но и радости звучит во многих стихах, она обретает возможность быть символом — сгустком энергии, который будоражит кровь влюбленного, любящего и любимого. Любовные испытания безмерны, безграничны — они в «туманности речей», в бессонных ночах, в холодном взгляде уходящей женщины и в собственном непонятном «спокойствии». Реальные переживания в стихах о любви наполняются какими-то неземными, возвышенными чувствами.

«Ты загадай меня и разгадай» — вот, пожалуй, то главное заветное желание, которое так необходимо не только молодой ищущей душе, но и вполне зрелой. Она всегда у поэта живая, ранимая, умеющая молчать и говорить. «Душа моя, давай поговорим. // В такую ночь кому с тобой нужны мы?» Свои сложные внутренние состояния поэт воплощает опосредованно — через деталь внешнего мира, через то, что может дышать, жить, чувствовать. Или просто быть сновиденьем, быть частью Вселенной.

*Затем ли мы с тобой нашли
друг друга в поднебесном царстве,
чтоб дни томительно текли
в тоске, обмане и коварстве?*

Поэт знает точно: «душа бессмертна»... Убедительно звучит мысль в одном из стихотворений о вечной любви. И в это трудно не поверить. Так ёмко, так искренне передается душевное состояние, граничащее с надрывом, надломом, невозполнимой потерей, звучит так, что, несомненно, веришь в истинность этих строк:

*...Я ей до святости послушен,
хоть стынет горечь на устах...
Когда она смотрит мне в душу,
я вижу боль в ее глазах.*

*Я за нее на этом свете,
уже наученный добру,
всем существом своим в ответе,
она умрет — и я умру. («Моя любовь»)*

Не только душа, но и душевное Слово, по убеждению поэта, не знает тленья — оно вечно:

*Сгорает лишь то,
что подвержено тленью.
Забудется всё,
что подвластно забвенью.
Но душу всего
беспредельно живого
в себе сберегает
бессмертное Слово.*

В художественном воображении поэт В.Хатюшин свободно перемещается в пространстве и во времени, но везде поэту уютно, во всём он видит гармонию и красоту. Это какой зоркий глаз нужно иметь, чтобы видеть, как «луна полыхает в окне», почувствовать, как «молча слушают стены»!..

В каждой строчке поэт дорожит настроением, тем состоянием расположенности к тому, о чем пишет, о ком страдает, кого видит или представляет. В вечном ожидании пылкая душа поэта: «Я чувствую, что радостное что-то // со мною вдруг должно произойти...»

Есть у В.Хатюшина особый, тонкий дар обо всём сказать сочно, к месту, ладно. Творческий процесс создания стиха представляется удивительной лабораторией души поэта, в которой собраны именно те слова и словосочетания, которые извлекаются в нужный момент для создания яркого образа.

*О, как тихо в этот вечер,
как безгрешно и темно...
Я зажгу сегодня свечи
и поставлю на окно.
И во мраке отразятся
их дрожащие огни,
плавно стёкла заслезятся,
и кому-нибудь приснятся
золотые в прошлом дни...*

Мотив одиночества проходит через весь стихотворный ряд первого тома, гармонично уживаясь с любым другим мотивом. Одиночество стало осознанной мыслью, обреченностью и безысходностью. «В громадном городе один» — прочитывается строчка как трагедия человека, осознавшего своё состояние в какой-то непростой жизненный момент. Автор не боится поделиться своими переживаниями с читателем, потому что он ему доверяет. «Так неуютно и беззвёздно // вокруг меня, как и во мне...» — то же состояние одиночества, до боли знакомое каждому, и потому отвлеченное понятие на-

полняется жизнью, смыслом и надеждой: «Но где-то есть душа живая, // которой плохо без меня...» Автор скорее всего не надеется на благосклонное внимание публики к своему одиночеству, но читатель в нём непременно найдет собственное «больное» и одинокое в тоскующей душе.

*Я умру, а кто осиротеет?
Разве только тихая звезда.
Чуть заметным холодом повеет
от реки — и зарыбит вода...*

Поэту В.Хатюшину, по моему читательскому убеждению, важен не столько сам человек, сколько его душа. И определяет он Человека по особому критерию: сколько души в человеке? Лирика поэта — исповедь перед самим собой, перед собой строгим, требовательным, привередливым. И душа поэта стремится от разлада и противоборства с окружающей действительностью прийти к единству и согласованности в земном мире. Хотя на поверхности таких выводов нет — они читаются между строк, угадываются через подтекст.

Остро и проникновенно мыслящий лирик В.Хатюшин умеет чувствовать радость, боль, тревогу, одиночество. От сердечного чувства путь стиха лежит к глубокой мысли, к осознанию: «...Все мы временно прописаны // на единственной Земле»; или: «...В своей стране — как странники, // нигде нам места нет...»

Через стихи, через бездну их лирического подтекста, через недосказанность и таинственность просматривается плотная ткань образов. Огромный мир противоречий открывает первый том многогранного творчества Валерия Хатюшина, и в нём — реальная жизнь, судьба, сотканная из звуков и красок земли, из тончайших сокровенных мыслей поэта, для которого Человек с большой буквы важнее всего. «Есть единственный храм во Вселенной, // называется он Человек», — такими словами заканчивает автор стихотворение «Спасение». Да, видеть в человеке Человека — основа происходящего, настоящего и вечного, она объединяет все стихи, вошедшие в этот том. В них — жизнь, и суть ее — в любви к Человеку и к окружающему его миру.

2

Первый том Собрания сочинений Валерия Хатюшина удивителен еще и тем, что в неброской манере, но уже проступает образ светлого чувства — веры, без которой, пожалуй, невоз-

можно постичь ничего в этом хрупком мире. «Бесцельная, плутаешь, как во мгле, // бурьяном заросла твоя дорога», — так автор определяет путь без веры — путь в никуда, в пустоту и бесцельность. Его риторический вопрос, еще в 80-е годы прошлого века адресованный стране, был адресован и каждому, способному мыслить:

*Россия, далеко ль уйдёшь без Бога?
И есть ли путь без веры на Земле?*

Но до определённого момента автор стихов всё же видел спасение души человека в постоянной работе над собой, в стремлении стать лучше, добрее:

*Мир наш будет чего-нибудь стоить,
станут помыслы наши чисты,
если каждый сумеет построить
в нежном сердце приют доброты.*

Вера — очень непростой процесс сосредоточенности, обновления личности и душевной самоотдачи, он повторяет в миниатюре процесс создания фундамента дома, на котором и держится вся остальная конструкция. Так и в стихах Валерия Хатюшина человек проходит непростую стадию перехода, перерождения, формирования в личность значимую, духовно наполненную, настоящую!

Постепенно блоковское понятие «вочеловеченности» звучит в стихах В.Хатюшина всё настойчивее — оно в земном воплощении великих истин красоты, добра, справедливости. И, наверное, совсем не случайно поэт заканчивает первый том словами: «Здесь полной мерой понимаешь // причастность жгучую к Нему...» Такого осознания не было у юного поэта — оно пришло позже, с «тоской бесконечной», «с бесприютной звёздной мглой», с большими потерями и со своей **печалью**, потому что

*Одна она лишь не предаст
среди общей слепоты,
и только с нею Божий глас
расслышать можешь ты.*

И, приступая к чтению второго тома, окончательно приходишь к выводу: нет, не случайны эти последние строчки из первого тома: в них и есть та суть, которую обретает человек, перерождаясь в Человека.

Мир сотворён по Слову, и Словом он избавляется от пустого, наносного, лишнего. Благодаря Слову, мир идеализируется, приобретает гармонию. В Слове — путь к Истине, приводящий к ней через сомнения и печали. Всё зримее, всё отчётливее поэт-романтик становится поэтом-философом, и снова звучит вопрос, но уже иного порядка: «Кому нужны твои стихи?» Не ожидая шаблонного, избитого ответа, сам же и отвечает: «И если пишешь для себя — // ты лишь тогда поэт». «Для себя», должно быть, надо понимать буквально: отдавая себя во власть Слова, несущего свет! По-другому истинный поэт отвечать на этот вопрос не может и не должен!

Второй том стихов В.Хатюшина — как новая жизнь, но со старыми и обострёнными тревогами, переживаниями. Метафоричность языка обуславливается степенью зрелости самого поэта.

Никогда не изменяя призванию, Валерий Хатюшин упорно пронесит живое слово, необходимое людям, что и означает — «пишет для себя»! Боль за произошедшее и происходящее вырывается из души — и рождаются стихи как образцы, достойные пера поэтической классики.

*Ты услышишь не раз как о сказочном чуде
об ушедшей Отчизне своей.
Той великой страны больше нет и не будет.
Много раз мы поплачем о ней.*

*Мы свободными были, спокойно общались.
Всех нас праздник за стол собирал...
Мы с червонцем в кармане
на поезде мчались
хоть на запад и хоть на Урал...*

Мир в зрелых стихах поэта-лирика, поэта-философа В.Хатюшина — это мир, творимый руками человека. В природе всё совершенно: «Светлый мир, задуманный прекрасно...», «звонит в траве кузнечик», и «душу лечит соловей»... Но в человеческом мире всё по-другому: «Безумный род людской // исчадью тьмы послушен», «торгует вся страна, // торгует чем попало...», «весь мир погряз в деньгах». Израненное сердце поэта, чувствуя боль за судьбу страны, презирает недостойное в ней, мелкое, пошлойе, грешное...

И в то же время поэт-философ Валерий Хатюшин верит в преобразование России на началах добра и высшей справедливости: «Нет, никакая в мире нечисть // из нас не вытравит

людей...» С надеждой и тревогой поэт всматривается в даль, открывающуюся его взору.

*За помраченьем и развалом
нас ждёт весенняя страда...*

Поэт — «пришелец из мира иного», способный «молча плакать» и «глухо рождение своё проклинать», переживая за страну, — воистину велик! Величие не в слезах и не в печали, а в смелом Слове, наполненном человеческой верой.

Громко, настойчиво поэт Валерий Хатюшин заявляет о том, что его судьба — это судьба его страны, судьба людей, с которыми рос, мужал, судьба его современников. В стихах поэт говорит с читателем открытым текстом, чаще всего не прибегая к полунамёкам, туманным эвфемизмам и эзопову языку.

Второй том Валерия Хатюшина, на мой взгляд, не для женственной публики, привыкшей к романтичному и сентиментальному чтению. Слишком много здесь открытой боли, оголённого нерва, жгучей печали и тоски. Это стихи, порождённые рубцами на сердце.

*Как пережить мне этот новый ад,
где столько прежней силы взять — и выжить,
теперь, когда дороги нет назад,
когда последний свет из сердца выжат?*

Мотив одиночества, обреченности занимает пространство многих стихов Валерия Хатюшина, порой вытесняя из них всё «живое». Тонкий, нежный поэт-лирик из первого стихотворного тома превращается в поэта-христианина, бичующего, хлещущего, обвиняющего себя за все грехи мира.

*Навсегда эта горечь прописана
там, где буду свой век дожимать.
Всё вокруг будет ею пронизано...
Так, наверное, свыше предписано:
цену полной свободы познать.*

Но признавая своё отчаяние грехом, поэт пытается не «открывать спящим людям уставшую душу». Как спасение является «Молитва» — стихотворение, способное исцелить страждущего и немощного...

*Помоги мне Господи, помоги,
от отчаянья душу мою сбереги.*

*Помоги мне выжить, печальный лес,
дай надежду мне, синева небес.*

*Сбросить с плеч этот мрак — не хватает сил,
видно, сердце я попусту износил.*

*Укрепите мой дух, вековые дубы,
чтобы вырваться вновь из капкана судьбы.*

*Дождь и ветер, не дайте ослепнуть от слёз,
не сорваться во тьму помощи мне, Христос...*

Отрезанный «от светлого мира», поэт чувствует себя загнанным и обречённым, и здесь поэтическая мысль движется между двумя полюсами: бытие — небытие. Вот в этом и проявляется масштабность мысли, её сила и бессилие. Конфликт — в сложном взаимодействии «за» и «против», дня и ночи, сна и бессонницы...

Однако тьма и холод не могут длиться бесконечно. Вослед за молитвой в стихах Валерия Хатюшина рождаются две спасительные темы — весна и творчество. Живительным источником служит поэзия, а весна — удивительна своей лёгкостью и красотой, пробуждающей душевные силы.

*За хмарью тягучих, томительных дней
утихла душевная вьюга,
И, словно бы вторя улыбке моей,
лесная запела пичуга...*

Расширение диапазона поэзии — это следствие перемен в мироощущении и миропонимании поэта. Он возмужал и в силе поэтической мысли, и в её глубине, в осознании первостепенности, важности духовных ценностей.

Путь лирического героя Валерия Хатюшина в конце концов выбран верно: через муки, страдания, несбыточность надежд он с их печальным багажом идёт к Богу.

Стихи Валерия Хатюшина — переключка поколений, в которой он сам — главный герой, и поэтому на высокой, эмоциональной ноте в его стихах звучат они, «свидетели живые» всего происходившего в его судьбе. Стихи Валерия Хатюшина рождены счастьем быть на земле — страдать, отчаяваться, метаться, предчувствовать, но жить!

*Долго ли угрюмости
надо мной кружить?*

*Мне опять, как в юности,
захотелось жить!*

Стихи зрелого поэта Валерия Хатюшина — просветлённые и мудрые, в них всё дорогое, сокровенное его душе и сердцу: ушедшие тени былой любви, звуки родного детского голоса, несбыточная мечта и добрая память... Его высокая Поэзия органично вписалась в его жизнь, стала её неотъемлемой частью, её высокой «духовной глубиной». Сокровенный смысл человеческого существования, по глубокому убеждению поэта, в том, «...чтобы не упасть и не разбиться // с высоты той самой глубины». И остаться человеку Человеком!

3

Высшее свойство поэзии — волновать душу правдой увиденного, прочувствованного и пережитого поэтом. Сама возможность прямого воздействия на чувства читателя заложена в природе лирики, однако, как я уже говорила, не все стихи и не все поэты волнуют читателя в одинаковой степени. Поэзия Валерия Хатюшина, как мне кажется, сильно воздействует на чувства потому, что для самого автора — это постоянный диалог с миром, серьёзный, принципиальный разговор, в котором раскрывается красота чувств и благородство человека, лишённого своекорыстия, эгоизма, зависти.

Стихи В.Хатюшина лирически конкретны, они запечатали пережитые сомнения, тревоги, раздумья, с которыми он готов ещё долго делиться.

*Господи, не торопи,
я ещё не всё успел.
Дух мой нищий укрепи
в безрассудстве тщетных дел.
Господи, не торопи...*

Поэту есть что сказать читателю, и он говорит языком сердца, а значит, языком правды, любви и справедливости. Удивление жизнью с годами не ослабло, но обострённое ощущение скоротечности жизни нередко вызывает у него печаль и даже тоску. Однако это чувство всё чаще сменяется состоянием высокого изумления перед нестареющей красотой бытия — и рождаются строки, наполненные чистотой и еле уловимым ароматом утренней свежести:

*В летнем лесу аромат и прохлада,
лиственный свет.
Милая, думать о прошлом не надо,
прошлого нет.
В летнем лесу соловьиное пенье,
стрёкот дроздов.
Милая, нежного сердца волненье
слышно без слов...*

Или, к примеру, в стихотворении, написанном 17 августа 2011 года, тоже сказано о лете, об августе, за которым следует осень как особая пора жизни. «Время — безумно, а сердцу — тревожно...», — говорит поэт о времени, в котором люди подводят итоги, сверяя жизненные часы с временем вечности.

*Счастьем, как видно, мне стали печали.
Нет, не мечтал я судьбу обмануть.
Верил я в жертвенный, слёзный вначале,
свыше дарованный — избранный путь.*

*Август, как жизнь, истекает и тает.
Осень в преддверье хмельной ворожбы.
Листья слетают, и ветер листаёт
чью-то забытую книгу судьбы...*

Лирическое и личное в этом стихотворении не просто перемежаются и случайно соседствуют, но художественно взаимодействуют: «избранный путь» и «жертвенный» тоже сливаются воедино, и создаётся ощущение высшего предопределения.

У лирика Валерия Хатюшина август полон жизни, света и надежды. Каждое мгновение в его стихах — это сама жизнь, но она уже во имя спасения своей души и любви к Творцу. В стихах последних лет нет дисгармонии, нет духовной раздвоенности — есть святая вера в торжество любви — как земной, так и высшей. И в качестве итога жизненных раздумий рождаются строки: «Смакует август ласковые дни...», «цветы на клумбе — яркие огни, // не верят в скорый листопад они...» Глубокий поэт, научившийся ценить мгновения бытия, благодарен этой жизни, горнему свету и просит других ценить каждый данный нам земной миг:

*Не торопите жизнь, она сама — мгновенье.
Как отошедший снег, отцветшая сирень...*

Но, как и в прошлом, мера гражданственности в его душе никуда не ушла, не угасла с годами. Его острый взгляд и не-успокоенное сердце способны видеть и красные листья бересклета, и бронзового солдата, сошедшего с пьедестала в боях за Донбасс... В стихах В.Хатюшина, написанных, казалось, на едином дыхании, на одном порыве чувства, уже практически неразделимы скорбь страны и личная боль поэта, они слились в общей картине нашей грозной действительности.

*...Но русскому сердцу не будет покоя.
Мы в мире жестоком остались одни.
Я помню весёлое время иное,
Я вижу безумные, зверские дни...*

Мотив вечности, мотив дороги всё чаще и всё увереннее звучит в стихах зрелого поэта-философа, поэта-лирика Валерия Хатюшина. Но предстоящая каждому скорбная дорога не кажется ему чем-то пугающим и несправедливым. Поэт с просветлённой душой готов честно пройти по ней до конца, не боясь, что «кто-то вслед с ухмылкой смотрит взглядом лисым». Зарождение этой темы состоялось, кажется, в то время, когда поэт осознал себя личностью значимой, способной сказать что-то шире и важное.

Чувство, полное душевных переживаний, определило полёт поэтического воображения. Оно разрушило грань между былью и небылью, личным и общественным, временным и вечным, между «было» и «есть».

В творчестве нашего современника Валерия Хатюшина в настоящее время происходит не расширение тем, не разброс стихотворных картин, а углубление смысла, укрупнение значимости ранее сказанного. И снова на первом плане — Человек! И вновь за него борьба! Сегодня, по утверждению поэта, каждый должен определиться в выборе жизненного пути: «кому служить — решает каждый сам».

*Нам суждено в последнем веке жить.
И выбор должен быть уже сегодня.
Коль не решил еще, кому служить,
готовь себя для службы в преисподней.*

Лирическая поэзия как самый чуткий «барометр» душевного состояния общества обнаруживает потребность в правде происходящего, без которой невозможно чувство ответственности. И поэт Валерий Хатюшин — «на передовой», а

темы его политических «репортажей»: «горящий Киев», «крымская весна», «защитники Новороссии», «Славянск», «русский Холокост» и другие пробуждают и в читателях это чувство ответственности за содеянное, понимание того, что все мы в ответе за случившееся, за правду происходящего. Автор знает, что сказанное каждым из нас — это не просто личное дело каждого, это дело совести и смысла бытия.

Как уже было сказано ранее, глубокое по содержанию одиночество поэта, проходящее через всю его духовную жизнь, приобретает необходимость крайне значимого творческого процесса: в этом состоянии душевного одиночества поэзия стала и спасением, и любовью, и самой жизнью, и выражением веры — то есть всем крайне необходимым для страждущей души.

Любовная лирика зрелого поэта Валерия Хатюшина всё более элегична. В ней уже почти нет конкретных женских образов, нет прошлой горечи и прошлого надрыва, но есть тихая память, спокойная мудрая надежда на встречу в вечности...

*Последняя любовь — души живая тайна,
сокрытая от всех, безмолвна и грустна.
Я помню этот день. Мы встретились случайно,
когда в дождях цвела московская весна.*

*...Уж столько лет прошло. Безмерная разлука
хранит тепло любви в своих мечтах и снах...
И пишет мне она с тоской: «Какая мука...»
Я отвечаю ей: «До встречи в небесах»...*

Но «лирический дневник» Валерия Хатюшина не окончен, поэт во власти поэтических размышлений, он не имеет права молчать, пока «творят молитву..уста» и стихотворная песнь еще не допета:

*Половина лета — позади.
И в запасе — половина лета.
Грусть моя, не надо, подожди —
песнь тепла и света не допета.*

Поэзия Валерия Хатюшина — это завещание поколению думающих людей, ценящих прекрасное, ищущих Человека в человеке.

О САМОМ СОКРОВЕННОМ

Статья вторая

1

Священное Писание говорит: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Матф. 7:13-14). Узкий путь — это путь истины, добра, отречения от греха, покаяния и правды. Этот творческий путь выбрал для себя необычайный поэт нашей современности Валерий Хатюшин.

Как бы «нечаянно» и вроде бы случайно, несмело входит в творчество поэта Валерия Хатюшина тема святости и веры, вечного и преходящего. Показательным в этом плане является стихотворение «В храме», написанном в 1980 году. Еще нет гармонии в душе лирического героя, душа еще в поиске своего духовного пути, и пока еще в ней присутствуют неуверенность и страх оттого, что

*... Тебя пронзают каждый раз
глаза, глаза со всех сторон.
Насквозь просматривают нас
они, глядящие с икон.*

Но неслучайное видение ангела, бронзовокрылого нечаянного небесного гостя уже передаёт внутреннее состояние поэта и перемену в его душевном укладе, в обретении нового состояния — еще не веры, но граничащего с верой:

*Тот ангел-хранитель был бронзовокрыл.
Откуда он взялся, куда он спешил?
Кого он услышал в полуночной мгле
на этой опальной и грешной земле?..*

Поэт, может быть, не сознавая того, упорно шел к этому душевному состоянию. Ранее в стихотворении «Живая Земля», написанном в 1976 году, им смело утверждалось право человека быть «единственно разумным» на «единственно

живой» планете: «...Он всемогущ, он вопреки // своей природе может // одним движением руки // природу уничтожить». Автор был молод и всецело верил в силу человека-творца, человека-энтузиаста. Молодому поэту-романтику импонировали смелые люди, идущие туда, где опасно и трудно, потому что и сам поэт по своему характеру такой же — отчаянно смелый, непреклонный и настойчивый. Конкретные герои в его стихах были сильны стремлением к самопожертвованию. Но, конечно же, не без воздействия христианской морали уже тогда он осознавал бренность бытия и чувствовал веру в нечто «вечное и бессмертное»:

*Человек, останься сам собою,
не гаси в душе огонь святой,
чтоб однажды крошечной звездю
мог и ты возникнуть над землей.
Живы мы — и звёзды не померкнут,
в чьи-то лица вечностью дыша,
и во мгле останутся бессмертны
память наша, разум и душа.*

(1977)

Нет, не неслучайным будет обращение к теме осознанной веры поэта-лирика, поэта-философа. Поэта, как теперь мы можем прямо сказать, — от Бога. Научиться вере, конечно, нельзя. К ней нужно прийти своим сердцем. Долгим и трудным бывает этот путь, а иногда бесконечным... На уровне подсознания тема веры присутствовала уже в ранних стихах, но звучала она по-иному, как-то непринужденно-легко, как будто между прочим, и была наполнена тайной и фантастической **неясностью**.

*...Но покинуть себя самого
мне мешала неясная сила,
будто тяжестью неба всего
мои плечи к земле придавило.
И пронзил меня глас: «Не спеши.
Окрылённость приходит не сразу...»*

Уже тогда многоцветный поток сомнений и вопросов будоражили сознание, входили в поэтическую речь: «Кто в силах душу осветить? // И чья в нас разума частица?»... Мы знаем, что наряду с обычными событиями в жизни каждого из нас происходят события как бы беспричинные, внезапные. Но эта стихия «внезапного» тоже неслучайна! И в жиз-

ни поэта от Бога, можно не сомневаться, всё предопределено, всё кем-то «спланировано». А то, что молодой поэт Валерий Хатюшин впустил в свою душу и в поэтическое слово нечто для себя новое, судя по стихам, совершенно очевидно. И когда писал, он уже понимал, что будет в ответе за сказанное:

*Ни огнеликий Ангел света
ему обмана не простит,
ни Тот, Всевидящий, что где-то
за ходом действия следит...*

Поэт Валерий Хатюшин, на мой взгляд, очень содержателен в мелочах, способных становиться символами. В его стихах нет ни одного слова, написанного бессознательно, по наитию — всё сказанное совмещает в себе и философа, и лирика, и подборника морали. Идея преемственности и органической взаимосвязи всего сущего на «единственно живой» планете приводит поэта-философа к мысли, что и человек есть продолжение природы, созданной кем-то, только понять это пока очень и очень непросто. Ведь в его поколении, казалось, всё было объяснимо. В той жизни и в том поколении, которое учили, что

*...там, за смертью, пустота,
там нет ни ада и ни рая,
как нас учили — ни черта.
Пускай Вселенная безмерна,
и всё ж теория — груба:
душа, внушали, не бессмертна,
не предначертана судьба.
И Бог для нас немного значит,
Его, точнее, нет совсем.
И мир несется наудачу,
не управляемый никем...*

Так было в жизни его поколения, но не в жизни поэта. От слов Михаила Булгакова «если Бога нет, то спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще порядком на земле?» автор приходит к собственному заключению: «...Россия, далеко ль уйдешь без Бога? И есть ли путь без веры на земле?»

Образ неба, всё чаще появляющийся в стихах Валерия Хатюшина, — самый, как мне представляется, главный, самый поэтический образ в его творчестве. Небо уготовано Бо-

гом для нас, живущих. И верующие знают, что кроме жизни земной есть и небесная. Как всякое великое художественное обобщение, образ неба неисчерпаем по смыслу. Через него, как сквозь магический кристалл, далеко видно во все концы света и в бескрайние «благодатные» выси:

*Можно ль ждать от земли благодати,
коль с небес не сойдет благодать?..*

*Что от неба получит земля,
тем она и воздаст человеку.*

*Веру в силу небес оборвать —
всё равно, что остаться без хлеба.*

В художнике слова, по моему глубокому убеждению, живёт понимание потребностей своей души, исходящих из нравственного состояния общества и из стремления собственного развития на почве родной, великой истории. И лирический герой поэта Валерия Хатюшина всегда выделяется нравственным здоровьем, поиском своего пути, смысла жизни и высшей веры в себе. Это сомневающийся, но пристально вглядывающийся и очень вдумчивый герой. В нём с юности пробудилось твердое чувство собственного достоинства, которое не переросло в гордыню, а, соединенное с состраданием, дало новый сплав нравственности, веры и обретения в себе настоящей личности. И всё это, судя по стихам, сумел пережить, внутренне переработать в себе, **образовав собственную духовную сущность**, поэт Валерий Хатюшин.

Стихи, по сути, уже сами становятся молитвами. И потому в них автор в самые трудные часы и дни жизни прямо и осознанно обращается к Всевышнему:

*Как тяжело, Господи, как грустно.
Зачем? — скажи. Зачем всё так?
Вокруг — и холодно, и пусто,
а на душе тоска и мрак.*

Как говорил писатель Л.Леонов в «Слове о Толстом», «каждый большой художник, помимо своей главной темы, включаемой им в интеллектуальную повестку века, сам по себе является носителем личной, иногда безупречно спрятанной проблемы, сложный душевный узел которой он и развязывает на протяжении всего творческого пути...» Очень личная тема Валерия Хатюшина — вера. Вера как нечто большее,

чем признание Его существования. И стихотворение «Доказательство» (1988 г.) уже тогда, 30 лет назад, стало не столько программой душевного труда, сколько его итогом (заметьте, еще в атеистическом государстве):

*Я верю
в существование высших сил.
А многие — не верят
и всё время доказывают
их несуществование.
Высший разум недоказуем.
Иначе
он перестанет быть
высшим.*

«Я верю» в стихотворении звучит как «я верую», и это значит — живу!

И вновь — небо, но уже другое — «синее пронзительное небо, // белые сугробы облаков... // Сколько б раз, о Боже, здесь я не был, // этот свет — загадочен и нов...» Уже по-иному высвечивает поэт мир природы, другим взглядом замечает Божественную энергию бытия. Всё в жизни теперь воспринимается им как воля Всевышнего. И появление дочери (в тот самый — 1988 год) «как весть» благая, и «два царских подарка», что «душою навеки хранимы», и рождённая в сердце молитва «вместо стихов», — всё это, он уверен, дано ему свыше.

Тема веры — самая сокровенная, самая глубокая и вместе с тем интимно-личностная тема в поэзии Валерия Хатюшина. Здесь он предельно откровенен с читателем с первой строки до последней, предельно открыт, многие стихи звучат как исповедь, как покаяние. Непривычность мира внутри обновлённой души — это главный показатель нравственного величия человека, мощный источник его внутреннего самосовершенствования. Просветлённая душа прозрела и приняла, что

*Нет больше в мире ничего
до крайнего предела,
весь этот мир — лишь Крест Его,
лишь Кровь Его и Тело.*

2

В романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского есть удивительные строки: «Бог с дьяволом борются, а поле бит-

вы — сердца людей». Иван Карамазов прямо отрицает Бога и мир Божий. Трагедия героя романа в его безверии, в том, что душа Ивана не в силах уверовать в святое, поэтому обречена на вечные метания и сомнения. Отступивший от Бога, он оказывается в сетях дьявола.

Этот художественный образ нашего великого писателя невольно вспомнился мне при чтении исповедальной лирики Валерия Хатюшина. Казалось бы, простые, легко понимаемые строки открывают читателю в этой простоте необыкновенную духовную глубину: «даже в полном одиночестве» поэт не ощущает себя одиноким, оттого что знает, не сомневается — он «...на свете не один».

*Пусть душа, ни с чьей не схожая,
словно комната пуста,
предо мною — мать Божия
и спокойный лик Христа.*

Вера для русского человека не абстрактна, но всегда личностна, обращена к нашему образу и подобию. Это Богочеловек Христос, Богородица и сонм конкретных православных святых... Поэтому духовные стихи Валерия Хатюшина чаще всего наполнены конкретно-образным религиозным чувством. Он знает, что у него «есть с кем глазами встретиться и к кому прильнуть душой...», и это знание добавляет ему жизненных сил, вселяет еще больше уверенности в своем предназначении как поэта и как человека. И образ Христа уже не только перед ним, но и в нём самом. Образ, который стал символом его возможностей и его веры.

Приобщение к незримому, невидимому, но осязаемому душой миру даёт поэту силы преодолеть ощущение одиночества и осознать кратковременность земного бытия, а также наполняет способностью видеть то, что скрыто от многих глаз, то, что находится за пределом, очерченным земной жизнью.

Понятие «лирический герой» — слишком условное для духовной лирики. Для кого-то оно является спасительным, оправдывающим душевную откровенность, но для больших, беспощадных к себе поэтов — абсолютно излишнее. И поэт Валерий Хатюшин никогда не скрывает своих искренних чувств под маской «лирического героя». Он не боится своей прямоты, своей бескомпромиссной искренности и уверенности в правоте своего сердца. Он знает, что путь без Христа, без веры — это уход в никуда.

Так, в стихотворении «Немота», написанном в 2005 году, прямо сказано о том, что род людской оказался на ложном пути, потому что сошёл с пути, указанного свыше.

*Мы идем всё дальше от Христа,
впереди — немая пустота,
впереди — отчаянье и страх
и блужданье смертное впотьмах.*

Одна из целей поэзии, судя по стихам Валерия Хатюшина, — напоминание человеку о том, что он творение Божие. И, следовательно, путь его — это путь веры, ведущий к Божественной Истине, а значит, к соединению человека с вечностью. И нет свободы у человека, который живет без веры, потому что свобода, по словам апостола Павла, — это свобода духа, свобода от греховных привязанностей, пороков, страстей. А человек, связанный страстями, несвободен от них:

*Нас влекут болотные огни,
чудным светом кажутся они...*

«Болотные огни», кажущиеся «чудным светом», — мираж для потерянной души. Образ болота, мрака не случаен в стихотворении — это символ «неуют», созданного человеком, а мир, построенный Всевышним, полон солнца, света, тепла. Два мира как две жизни — «сон и явь». Господь, по убеждению поэта, даёт нам право выбора, но сумеет ли человек правильно сделать свой выбор, сумеет ли разглядеть настоящую жизнь?

*Две смерти — не найдешь,
две жизни — проглядишь,
в одной из них — бредешь,
в другой — летишь, летишь!..*

Земной мир в стихотворении «Пока открыты Царские врата» балансирует на грани реальности и того, что лежит за гранью, — за «Царскими вратами». Реальный мир немыслим, по вере автора, без молитвы. И её, «главную молитву», «шепчут бледные уста». Душа с ней оживает и радуется. Через нее поэт общается с Богом, через неё он слышит Его, и потому сам уже как бы участвует в ее сотворении:

*Творят молитву слабые уста...
Свеча в руке трепещет, догорая...
И недоступный вижу отсвет рая,
пока открыты Царские врата...*

Ощущение и даже созерцание вечности возникает здесь на удивление естественно — метафорическим временным сроком, отпущенным человеку, — «пока открыты Царские врата». Мысль о неизбежности расставания со всем и всеми не пугает поэта — он готов к новой жизни, к той, которая за земным горизонтом.

Долгий путь пришлось пройти автору этих исповедальных стихов, блуждавшему в потёмках, прежде чем он постиг Бога. Признанием, откровением, раскаянием и покаянием можно считать стихотворение Валерия Хатюшина «Вино и хлеб»:

*Как много лет, мой друг, поверь,
в потёмках я блуждал.
Христос в мою стучался дверь,
но я не открывал...*

Здесь и крик души, и предостережение тем, кто долго пребывает в безверии, живёт не по законам Божиим. Если мы Бога не видим, причина в нас самих, ибо Господь сказал: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). Никого не винит автор стихотворения в своём прошлом безверии, но чувствует собственную вину, потому что не «узрел», потому что не был готов к этой встрече:

*Как много, друг, больших потерь,
как сердцем я устал...
...Христос в мою стучался дверь,
и я — не открывал...*

Изумительное по совершенству стихотворение «Фаворское Солнце», написанное в День Святой Пасхи, — еще одно напоминание о том, что всё в жизни повторяется, что неблагоприятные люди, «влюбленные во тьму», близоруко жестоки, и ждёт их неизбежная расплата за их эгоистичную слепоту:

*«Ты кто?!» — кричали судьи,
плюя в лицо Ему.
Распяли Солнце люди,
влюбленные во тьму.*

Символический образ Солнца — образ Творца, Создателя, присутствующий в сюжетной цепи происходящего, усиливает значимость веры как ценности жизни. Такой ценностью является и *свобода*, о которой поэт говорит как о единственно необходимой и возможной для человека:

*Сияет Слово, как звезда
на неприютном небосводе...
Под светом грозного Суда
познавший Истину — свободен.*

*...Поверь, художник, в путь к Нему.
Без этой веры ты — бесплоден.
Но, не подвластный никому,
ты с Ним — воистину! — свободен.*

Цель Господа — спасение каждого человека. Но человек сам определяет выбор своего пути — с Богом или, как отступивший от Него Иван Карамзев, без Бога. Отступивший и обречённый блуждать в безверии и в потёмках...

Апокалиптическое миропонимание существования на земле человека без веры определяет весь драматизм жизненных и творческих решений поэта Валерия Хатюшина. Он ещё раз напоминает, что мы живём здесь временно, однако в вечности наше присутствие будет определяться согласно нашей вере или нашему безверию. А также согласно нашим делам и поступкам. Наши убеждения и наши верования, как правило, заложены в наши дела и поступки, в их правду или в их нечестие и коварство. И когда за делами нет христианской любви и стремления к Истине, они приводят к неизбежным трагическим последствиям:

*Мир безбожный в безвременье канет,
рай земной с пьедестала сойдёт.
Если вера стоит не на камне, —
эта вера себя изживёт.*

*Вся Вселенная — для человека.
Но погряз он в дурмане химер.
Так погиб, не проживший и века,
Дом с названием СССР.*

Да, почти целый двадцатый век мы верили в безбожные химеры и пытались построить рай на земле. Все эти умозрительные химеры рухнули в одночасье, чуть было не погубив под собой великое государство. Потому что «вера» эта стояла не на камне. Новозаветный образ камня — это и есть сам Христос, Божественный Логос как первооснова всего сущего.

Нет, совсем не случайно замечательный поэт современности Валерий Хатюшин так образно определил своё бытие и в этом и в ином мире: «...Для себя — сберегу свет живого Креста. // Я из рая сбегу, если он — без Христа».

Валерий ХАТЮШИН

ВИНО И ХЛЕБ

Как много лет, мой друг, поверь,
в потёмках я блуждал.
Христос в мою стучался дверь,
но я не открывал.

Я оставался глух и слеп,
мне было знать смешно,
чьим телом был мой чёрный хлеб
и кровью чьей — вино.

Себя изжил я, как беду.
Открыта настежь дверь.
Я нашей скорой встречи жду.
И горько мне теперь...

Я знаю, кто спасал меня —
чья кровь и тело чьё.
И отсвет горнего огня
изжёт лицо моё...

Как много, друг, больших потерь,
как сердцем я устал...
...Христос в мою стучался дверь,
и я — не открывал...

8 января 2017

ФАВОРСКОЕ СОЛНЦЕ

Забыли мы о многом
в плену пустых идей.
Но было солнце Богом
когда-то у людей.

И в это верил каждый,
покуда царь-мудрец
им не сказал однажды:
«У Солнца есть Отец».

Живой любви вершина...
И вот сквозь тьму веков
излился свет от Сына
на трёх учеников.

Он солнцем на Фаворе
пред ними воссиял.
Всех трёх, с огнём во взоре,
сердечный страх объял...

«Ты кто?!» — кричали судьи,
плюя в лицо Ему.
Распяли Солнце люди,
влюбленные во тьму.

Но лился свет Фавора,
как сердцу благодать...
И Савл ослеп, чтоб скоро
прозревшим Павлом стать.

16 апреля 2017 (Пасха)

Выйдет всё поделом, что ни выпадет мне.
Буду я со Христом даже в адском огне.

Для себя — сберегу свет живого Креста.
Я из рая сбегу, если он — без Христа.

Кану в стон мировой — и с прощеньем, и без.
Пусть во тьме гробовой — не увижу небес.

Пусть я к омуту слёз в час последний приду.
Небо — там, где Христос, даже если — в аду.

26 апреля 2017

* * *

Голос мне слышался птицы ночной.
Ангел мой плакать устал надо мной.

Жил я в азарте бездумных утех.
Ангел отмаливал каждый мой грех.

Счастья искал я, невзгоды кляня.
Ангел прощенья просил за меня.

Сердце рвалось и скулило в крови.
Ангел шептал мне во сне о любви.

Часто встречал я то рык, то оскал.
Ангел в погибельных дебрях — спасал.

Птица ночная всё чаще кричит.
Ангел мой горько и слёзно молчит...

10 мая 2017

* * *

А сирень всё равно расцвела,
несмотря на студёные ночи.
Жизнь легко нас с тобой развела,
но свести почему-то — не хочет.

Почему-то весна — холодна.
Почему-то на сердце — усталость.
А сирень под карнизом окна
так цветёт, что обид не осталось.

То ль уйти не желает зима,
то ли к нам не торопится лето...
Наших суетных дней кутерьма
светом первых свиданий согрета.

Пусть за днём истончается день,
и ничто нашей встречи не прочит...
Но в холодные майские ночи
дышит сладкой истомой сирень...

26 мая 2017

ПО ОНЕГЕ И ЛАДОГЕ

Как широка и высока Россия!
И не по силам никаким штормам.
Наш теплоход «Княжна Анастасия»
На Север шёл навстречу холодам.

Искрились в Волге солнечные блики
среди лесов, вдоль зелени полей...
Да, мы за то зовем ее великой,
что вся Россия отразилась в ней.

Смердит Европа в голубом дурмане —
сдала в утиль достоинство и Крест...
Но отовсюду прибыли славяне
на Всеславянский теплоходный съезд...

Мне не спалось. Душа весёлой негой
была полна, волнуя пульс в крови.
Закат всю ночь клубился над Онегой,
всю ночь над Свирью пели соловьи.

И пусть в Кижях гуляла непогода
и ветер дул со снегом и дождём,
и пусть опять карельская природа
характер свой являла день за днем, —

из древних чёрных брёвен церковь Спаса
над островом висела в облаках,
и с чёрных досок свет иконостаса
нас грел, продрогших, точно южных птах.

Когда борей, безжалостный и дерзкий,
качал озёрных волн морскую ширь,
нас привечал Кирилло-Белозерский
и Александро-Свирский монастырь.

В тот час излишни были междометья,
лишь удивленья блеск мелькнул в глазах.

Нам рассказали: полтысячелетья
лежит он здесь, молитвенник, монах.

За Русь веками молятся святые.
И крышку раки отворили нам.
А в ней лежали мощи, как живые,
и приложились мы к живым мощам.

И сотворилось чудо: солнце вышло
из серых тяжких приземлённых туч,
и разлился над нами еле слышно
звон колокольный с поднебесных круч.

Сияло солнце, лился звон небесный,
златились яркой новью купола...
Сказали нам: в такой же миг чудесный
сюда однажды Божья Мать сошла...

В любом пути есть неземные знаки.
И был священный остров Валаам,
где возвышался монастырский храм,
где сотни лет в трудах живут монахи.

Мы поднимались по крутым ступеням
на самый верх ухоженной скалы.
А монастырский сад дивил цветеньем
среди дождливой и туманной мглы.

Как много чуда в мире и как много
дано нам свыше знаков и даров!..
Славянский съезд, славянская дорога —
длинна, крута на сквозняке веков.

Но широка и высока Россия!
Она — навеки дар бесценный нам.
А теплоход «Княжна Анастасия»
плывёт к своим славянским берегам...

12 июня 2017

БЕРЕСКЛЕТ

Непривычно холодное лето,
то ли снег, то ли пух с тополей...
И от ярких цветов бересклета
хоть немного, а как-то теплей.

Хоть немного, а как-то светлее
под ненастьем блуждающих туч...
В тёмном парке беззвучны аллеи,
а ведь был он несметно певуч...

И почудилось мне, будто лето
стороной мимо нас протекло,
незаметно развеялось где-то,
растеряв безвозвратно тепло.

На аллеях безлюдно-безгласных
ранней осени столько примет...
И как отсвет предчувствий неясных
краснолистный цветёт бересклет...

24 июня 2017

ПУТЬ

То, что было, то, что стало, —
смутно светится в стихах...
Кто-то вновь начнёт сначала
этот путь судьбе на страх.
Да, пройдет его иначе.
Что ж, у каждого он свой.
И в слезах — не раз поплачет
над судьбой и над собой.
Жизнь над ним лишь посмеётся,
вспять заставит повернуть...
От поэта остаётся
грустный свет и горький путь.
А стихи — почти как птицы —
просвистят и улетят..
Книг беззвучные страницы
в мир людской с тоской глядят.
Но они — всех благ превыше
и милей всех книг иных,
я от них дыханье слышу,
близкий взгляд я вижу в них,
чую голос осторожный
возле самого лица...
Это значит, путь осторожный
пройден мной не до конца.
Мне еще на белом свете
дорога душа одна,
и еще в окно мне светит
полноясная луна...

2 июля 2017

* * *

Отцветает последний жасмин
и шиповника цвет облетает...
Мне из летних природных картин
эта — в сердце всегда западает.

Значит, лето пошло на закат,
и смятение — всё вероятней,
и последний кустов аромат
всё нежнее и всё невозвратней...

Как прощальная чья-то ладонь
прикоснётся к запястью незримо,
словно жизни закатный огонь
истончается необратимо...

Аромат над жасминным кустом
так пьянящ этим вечером летним...
И не хочется думать о том,
что и вправду он будет последним...

22 июля 2017

* * *

Август, август, зачем же так скоро?..
Ведь еще не настала пора...
Сонной тенью немого укора
загустели твои вечера.

Август, август, озёрная свежесть,
дрожь листвы на опавших цветах...
Мы, мой друг, замечаем всё реже
прежний блеск в приземлённых глазах.

То ль с тобой мы своё отлетали,
хоть в душевных порывах — легки,
то ль полей поседевшие дали
слишком стали для нас далеки...

И не манит спокойного взора
золотая заката игра...
Август, август, зачем же так скоро?..
Ведь еще не подходит пора...

9 августа 2017

Предосенняя нежная тишь...
Нет, не может окончиться лето...
Ах, душа, скоро ты воспаришь
к океану несметного света.

Золотая тоска вечеров...
Нет, не верю, что лето уходит...
С долгой песней холодных ветров
где-то близко зима хороводит.

Август ласковый, солнечный весь,
ярко-жаркий, как цвет бересклета...
Ах, душа, ты запомни, что здесь
было это короткое лето...

21 августа 2017

ВОДА БАЙКАЛА

Я по нему опять тоскую...
Как долго я спешил туда!..
Была подобна поцелую
Байкала чистая вода.

Вошли в меня сердечной новью
и Ангара, и Усть-Уда...
Как свет небесный Подмосковья —
Байкала синяя вода.

Но если в воздухе кружилось
ненастье хмурое, тогда
в стальном дыханье шевелилась
Байкала серая вода.

Теперь в сибирской ностальгии
душа пребудет навсегда.
Скрывает столько тайн России
Байкала чёрная вода...

7 октября 2017

Ничего, что глубокая осень,
ничего, что опала листва...
Дождевая закатная просинь
мне чуть слышные шепчет слова:

«Не взыскуй, не кручинься, не сетуй...»
Столько раз это было со мной!..
Гроздья красные яркой приметой
мне бессонный сулят непокой.

«Не зови, не жалеи, не прощайся...»
В серых тучах померк небосвод.
Мимо с шумом, как поезд, промчался
леденящий семнадцатый год.

Нескончаемый лиственный ветер.
Зябко в парке от лиственных слёз.
Под ногами в искусственном свете
истлевает убранство берёз.

Дуб качает седой головою,
синь закатную мглой занесло...
Ничего, что не будет покою,
ничего, что иссякло тепло...

19 октября 2017

ПЕРЕКЛИЧКА

Анатолию Аврутину

Подлый мир отказался от наших святынь —
в этом мире другие святыни.
И куда ты свой взгляд беспокойный ни кинь —
всем Россия чужая отныне.

Мир блефует в придуманных снах и во лжи,
в однополой убийственной страсти...
...Где-то детство моё в колосющейся ржи
притаилось, как в маленьком счастье,

засиделось у речки, уснуло в лесу,
закружилось в цветах на лужайке...
Я за пазухой детство, как птаху, несу,
чтоб о нём рассказать без утайки.

Чтоб светилось оно в этих строчках простых,
согревая глаза дорогие,
чтобы в детях, рождённых при песнях иных,
билося вечное сердце России.

...Я под пенье сверчка на печи засыпал,
под рассказы о плотнике-деде...
Нам динамик из чёрной тарелки вешал
о вожде, о труде, о Победе...

Мы росли на руинах великой войны,
со страной возвышаясь и каясь,
нас безродные пичкали чувством вины,
от святынь и побед отрекаясь.

Ныне в наших домах тех динамиков нет.
Мы умней и трезвей стали ныне.
Нас в искусственный свет заманил Интернет...
Но в душе — неизменны святыни.

17 ноября 2017

Перед Распятьем я Бога просил:
«Господи, дай мне успеть,
дай мне набраться немислимых сил —
духом врагов одолеть.
Господи благостный, сколько же их,
подлых, сплочённых во зле,
недрузгов этих безумных моих
здесь, на родимой земле!..»
Тихо ответил Он мне: «Отойди.
Кайся и плачь во Христе.
Раньше Меня никого не суди.
Я ради всех на Кресте».

18 ноября 2017

ВЕРА

(В День Архистратига Михаила)

Не мир пришел Я принести, но меч (*Мф. 10:34*)

В празднословье своем убогом
мир безумный идёт в разнос.
Наши пращурь жили с Богом,
в бой их вёл за собой Христос.

Был безжалостным враг надменный —
вся безбожная мразь и гнусь.
Перед ней не была смиренной
наша вера и наша Русь.

Псов армады французско-прусских
нам хотели замкнуть уста.
И без счёта — погибших русских
за язык и за свет Креста.

Стала доблестью их безмерной
сохранённая русская речь.
Всех мощнее на свете — вера.
Перевернутый крест — это меч.

21 ноября 2017

НАПОСЛЕДОК

Посвящается Дмитрию Хворостовскому

Как молоды мы были, как молоды мы были...
Хмельные наши кони летели в небеса...
Мы ожиданьем жили, мы Родину любили,
мы слышали в эфире родные голоса.

Пленительные песни, живительные звуки
ласкали нашу юность, бодрили нашу плоть.
Не знали мы ни скуки, ни той сердечной муки,
что сможем со слезами в судьбе перебороть...

Как искренни мы были... По мощным волнам плыли...
Казались неземными заморскому уму...
В заоблачных юдолях, в сиянье лунной пыли
мы ярко проходили сквозь золотую тьму.

...Блестит еще неброский ноябрьский снег московский...
...Затихших губ усталость и щек запавших мел...
Остыли наши кони... Но Дима Хворостовский
во мгле рекламных пауз нам напоследок спел...

29 ноября 2017

«Украина выше Бога!» —
мразь укропская орёт.
Доскакал до эпилога
обесовленный народ.

Слышен: «Слава Украине!» —
злобный клич из чёрной тьмы.
Воют бесы на Руине...
«Слава Богу», — скажем мы.

Может статься, протрезвеет,
образумится народ...
Но пока он лишь звереет,
«Ще не вмэрла...» — всё поёт.

Матерь Божья смотрит слёзно
сквозь донбасские дымы...
Может статься, будет поздно...
«Слава Богу», — скажем мы.

2 декабря 2017

В ПЕЩЕРАХ

Печоры псковские, пещеры...
Дрожащий свет свечей в руках...
Мерцали своды, словно сферы
небесной тверди в облаках.

С тоской душевного похмелья
здесь я, стогрешный, пребывал.
Здесь, в лабиринтах подземелья,
монах нам тайны открывал.

В подземной мгле витал над нами
нетленных старцев глас и слух...
Вливался теплыми волнами
мне в сердце странный сильный дух...

Здесь, как Руси живые стражи,
за веком век — во тьме святой —
лежат молитвенники наши
под монастырскою горой.

Бессмертный дар их мощной веры
из века в век спасает нас.
...Мерцали своды, словно сферы
живых небес, в тот светлый час.

Я слышал ангельское пенье,
огнём сердечным осиян.
И нам вослед духовным зреньем
смотрел Крестьянкин Иоанн...

*19 декабря 2017
(День зимнего Николы-Чудотворца)*

ДАР ЛЮБВИ

В минуты слабости душевной
в себе глушил я резкий жест.
Перед толпой нещадно-гневной
Он за меня всходил на Крест.

Когда в заклатье поруганья,
жестокий суд людской кляня,
я уходил от наказания, —
Он осуждался за меня.

Не отвести беду руками.
Когда в меня под смех и вой
со всех сторон летели камни,
Он закрывал меня собой.

Я слово правды не нарушу,
стремлению верен одному —
свою еще живую душу,
как дар любви, вручить Ему.

15 января 2018

Об авторах

Анатолий Юрьевич Аврутин родился в 1948 году в Минске. Окончил БГУ. Автор более двадцати поэтических сборников, изданных в России, Белоруссии, Германии и Канаде, двухтомника «Времена» и книги избранных произведений «Просветление». Лауреат Национальной литературной премии Белоруссии и многих международных литературных премий. Член Общественной палаты Союзного государства России и Белоруссии. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Избирался первым секретарем Правления Союза писателей Белоруссии.

Указом президента А.Г. Лукашенко награжден медалью Франциска Скорины.

Нина Константиновна Тихомирова родилась в д. М.Туманово Арзамасского района Нижегородской области. Окончила Кировский государственный педагогический институт, Смоленский госуниверситет и Витебское Православное училище. Работала в Воркуте учителем начальных классов, затем в г. Лиозно Витебской области учителем русского языка и литературы. С 1985 года является руководителем школьного музея Народной славы г. Лиозно.

Более тридцати лет Н.К. Тихомирова сотрудничает в районной и республиканской печати. Её статьи о классической и современной русской литературе публиковались в белорусской и в российской периодике. Имеет награды Русской Православной Церкви и республиканского правительства.

Алина Ивановна Костюк-Светлицкая родилась в Белоруссии, на Гродненщине.

В 1981 году окончила Гродненский государственный университет имени Я.Купалы по специальности учитель русского языка и литературы. Работает в гимназии г. Гродно.

Награждена Почетной грамотой Министерства образования РБ.

Стихи, эссе и статьи публиковались в альманахе «Небесный знак» (Гродно), в журнале «Новая Немига литературная» (Минск), в «Литературной газете».

СОДЕРЖАНИЕ

Анатолий АВРУТИН. Рыцарь русского образа	3
Нина ТИХОМИРОВА. Пророки есть в Отечестве моем	10
Алина КОСТЮК-СВЕТЛИЦКАЯ. Увидеть в человеке Человека	20
Алина КОСТЮК-СВЕТЛИЦКАЯ. О самом сокровенном	33
Валерий ХАТЮШИН. Стихи	42
Об авторах	63